

*М. Пельтсер
за затишье
и Волшебный Родненький
мелко стает
в чужой семье.
Т. Пельтсер*

На репетицию она всегда приходит первой. Впрочем, что я говорю? Не приходит, а прилетает. Увидеть Татьяну Ивановну, спокойную идущую по улице или по коридору театра, мне лично не удавалось. И не потому, что куда-то спешит или опаздывает. Отнюдь. Ее пунктуальности могут позавидовать дипломаты. Просто такой стремительный жизненный темпоритм не позволяет ей расслабиться, пожалуй, самое себя.

И еще. Поразительная жадность. Жадность к работе. Любая роль, любой ввод в старые спектакли — никаких жалоб на усталость, ни тени намека на возраст. Истинный рыцарь театра, рыцарь без страха и упрека.

А эта неизбывная жажда все увидеть, все услышать, все прочитать! В театральном книжном киоске нужно постараться успеть до Татьяны Ивановны, иначе все журнальные ножики закупит себе и своим друзьям. Выходит на экраны новый фильм — она смотрит его первой. Премьера спектакля в соседнем театре — она спешит на премьеру. Идет конкурс спектаклей на рабочую тему — она смотрит все спектакли. А как же? Она — член жюри. Да, но многие другие члены жюри смотрят далеко не все спектакли. Это их дело, она должна видеть все.

А сегодня в театре репетиция. Репетиция — это святое. Книжки, концерты, кино — все в сторону. РЕПЕТИЦИЯ!

Она влетает в театр. На ходу ласково здоровается со всеми, кто находится в

САМАЯ МОЛОДАЯ

вестибюле. Не забыть кому-нибудь улыбнуться — в театре все такие обидчивые. Лифт, как всегда, не работает. Это даже замечательно! Лишнее внимание физкультурминутке! И — через две ступеньки на четвертый этаж!

А внизу только что подошедшие на репетицию молодые актеры упрекают администрацию за невниманье к их молодому здоровью и, немного поворчав, медленно бредут на тот же четвертый.

Репетируется новая пьеса. Почти половину акта занимает Ее монолог. Репетировать с Ней трудно. Иногда адски трудно. Как высокий профессионал, Она не выносит и духа дилетантизма, а уж тем более безделья. Неверно поставленная мебель, не поданный вовремя реквизит могут привести Ее в ярость. Я не постановщик данного спектакля, я лишь «разминаю материал», но и мне достается.

— Федоровна (ее роль в пьесе), вы проходите через террасу, некоторое время смотрите, как женщины расставляют раскладушки, а потом садитесь к столу.

— Миленький (слово «миленький» в ее устах всегда

предвещает «угрозу»). Какого ж рожна я буду входить за ними, когда у автора ясно написано: «Вот, отпираю вам. Проходите».

— Извините, Татьяна Ивановна, вы, безусловно, правы. Федоровна входит первой, за ней женщины с раскладушками, некоторое время она наблюдает за ними, а потом садится к столу.

— Родненький («родненький» — это еще хуже, чем «миленький»), чего же мне за столом-то рассиживаться? У меня что, дел, совсем нет? А газ проверить, а счетчик? Воду из таза вылить, вон сколько с крыши накапало.

— Ну, хорошо. Не садитесь. Начали!

Гремя ключами, из двери появляется Она — Федоровна. «Вот, отпираю вам на свой риск. Проходите». Входят женщины, расставляют раскладушки. Она некоторое время наблюдает за ними, а потом... садится к столу.

— Вы же не хотели садиться за стол! У вас дел много. Газ, счетчик, воду из таза...

— Федоровна, к вашему сведению, одинский человек. Ей скучно. Поэтому она использует любую воз-

можность подольше побыть с людьми, расположиться, так сказать, на долгий разговор. Потому я и сажусь к столу.

— Так я пять минут тому назад то же самое предлагал!

— То же, да не так же. Режиссер, если он режиссер, должен уметь объяснить свое решение. И потому, что это за беспринципность такая? Сначала — «садитесь за стол». Актриса отказывается. Вы сразу: «Ну, хорошо. Не садитесь за стол». Если всех актеров слушать...

Прокиная в душе тот день и час, когда согласился «разминать» этот спектакль, продолжаю репетицию.

И вдруг... Это происходит именно вдруг. Я вижу, что это не актриса Пельтсер чеховстит постановочную часть, а Федоровна. Вечно ворчащая, всем недовольная хозяйка дачи. Оказывается, актриса уже давно вошла в ее шкуру и говорит и действует от ее имени. Оказывается, она гениально ИГРАЕТ. Нет, мне, наверное, действительно рано называть себя режиссером. Как я мог этого не заметить? В финале спектакля произительной нотой завершается ее последний монолог... «А на поправку мать привозит ко мне. Два старых человека, как-нибудь стоворимся. Скучно старому человеку... И-и... как скучно!».

Скучно. Это, конечно, относится к Федоровне, но никоим образом не к Пельтсер. Она и сама никогда не скучает, и другим не дает.

Свой восьмидесятилетний юбилей она отмечала в поездке на пути к Тольятти. О высокой правительственной награде — ордена Ленина — узнала лишь на другой день, на перроне станции «Жигулевское Море». А через два часа — репетиция вечернего спектакля. Жизнь продолжается. ТЕАТР продолжается. Репетирует народная артистка СССР, кавалер ордена Ленина Татьяна Ивановна Пельтсер.

Ю. МАХАЕВ.

Режиссер Московского театра имени Ленинского комсомола, помощник главного режиссера по литературной части.